

Эпизоды из жизни Академии наук

Ревекка Фрумкина

На сайте академического Института языкознания, где я работаю, нарисована цифра 1950 — видимо, это считается годом основания института. В 1950 году в Академии наук СССР действительно был создан научно-исследовательский институт с таким названием. Но уже к 1956 году, когда я в качестве сотрудника ФБОН обрела свой стол в подвале здания института на ул. Волхонка, 18/2, в нем произошли Большие Перемены. А именно: нечто, именовавшееся «сталинским учением о языке» и не так давно введенное, как картофель при Екатерине II, лишилось статуса истины в последней инстанции. Его отменили «сверху», «разрешив» при этом кибернетку и структурализм, добавив хлопот многим — и бывшим марристам, и их жертвам, и просто приверженцам традиций как таковых.

Итак, ИЯЗ Академии наук СССР 1956 года уже сильно отличался от института 1950 года — и отличался к лучшему.

Разумеется, ситуацию в науке приказом не изменишь. Но повседневное бремя любого научного учреждения — штука хрупкая, и на административные меры (объединить, разделить, переподчинить) институт (лаборатория, отдел и т.п.) всегда реагирует — и чаще всего нетривиальным образом.

Итак, к 1958 году языковедческих институтов в Большой академии стало два: Институт языкознания и Институт русского языка. Оба института довольно долго обретались всё в том же здании на Волхонке, 18/2, где уникальная библиотека (о ней см. в моей книге «О нас — наискосок») оставалась одним из факторов, позволявших сотрудникам осмысленно использовать обязательные присутственные дни.

Научную и человеческую обстановку в обоих институтах в большой степени определяло то, что директором Института языкознания вплоть до 1960 года оставался В.И. Борковский, а директором Института русского языка с 1958 до 1968 года был академик В.В. Виноградов — реальный глава нашей русистики.

Виктор Иванович Борковский был хорошим администратором, и сотрудники его любили. У него было несомненное чутье, благодаря которому в подчиненном ему институте удавалось сохранять некоторые академические приличия, что было непросто, если учесть кадровый состав тогдашнего ИЯЗ, о котором — ниже.

Виктор Владимирович Виноградов, ученый огромного масштаба, в недавнем прошлом — недоднакратный «сиделец», по манерам — барин, по сути своей — классический московский интеллигент и гуманитарий фантастического кругозора и работоспособности. Администратором Виктор Владимирович не был вовсе. Зато он сумел собрать в своем институте цвет тогдашней русистики и поддержать начинания «новой лингвистики», нередко вовсе не разделяя ее идей.

В 1960 году В.И. Борковский перешел в Институт русского языка АН СССР, чтобы заниматься любимым делом — новгородскими рукописями. Вместо него директором Института языкознания АН был назначен Б.А. Серебренников — подлинный антимарризм, в этом своем качестве подвергавшийся преследованиям еще в мою бытность студенткой филологического факультета МГУ.

Борис Александрович Серебренников принадлежал к часто встречающемуся среди ученых типу людей, готовых с риском отстаивать свои убеждения, но, в противоположность известному изречению, отнюдь не готовых не то что гибнуть за чужие, но даже сколько-нибудь *терпеть* их.

Мне трудно вспомнить начальника, в меньшей степени подходящего для своей роли. Да и вообще *начальник* в научном учреждении — весьма сомнительное амплуа. Одну историю я запомнила навсегда в силу ее уродливости и, увы, типичности для нравов, воцарившихся в нашем институте надолго и, разумеется, не благодаря одному лишь Серебренникову.

Борис Александрович заказал мне главу о статистических методах в лингвистике для какого-то коллективного труда, который готовился в нашем институте и должен был выйти под его редакцией. Главу я писала весьма тщательно и сдала вовремя.

Вскоре Б.А. вызвал меня к себе и, не пояснив, что именно его не устраивает, предложил мне текст полностью переделать — замечу, «предложить» в форме приказа. И вообще (я цитирую): «если каждый тут будет позволять себе высказывать свои мнения...» У меня хватило выдержки

не ответить «я — не каждый»; вместо этого я сказала: «Б.А., пожалуйста рукопись».

Это пришло на Серебренникова примерно такое же впечатление, как если бы я оскорбила его лично и притом в особо изощренной форме. Я быстро удалась с рукописью в руках, не отдавая себе отчета в том, какие последствия может иметь эта довольно обыденная для ученого история: ну, заказали; ну, потом не приняли...

«Мелкие» происшествия, подобные описанному выше, будучи ничтожными по сути, имели отнюдь не мелкие последствия. Ибо последствия эти определялись не столько высшими партийными или государственными установками, сколько личными интересами **власть имущих** в пределах внутриинститутской, реже — общеакадемической жизни.

Реальная же власть в Институте языкознания в отсутствие адекватного директора с некоторых пор стала принадлежать преимущественно *партибюро* и близким к нему лицам. Вообще-то члены нашего партбюро 60–70-х годов были *люди как люди*. Большею частью их биографии были «типичными» для 30–50-х годов: родились в глуши, учились в местных педвузах, родной язык принадлежал к числу «языков малочисленных народов СССР»: именно это и было причиной зачисления в ИЯЗ, где соответствующие группы языков изучались. (Представители северных народов попадали в ленинградские структуры, в этом плане аналогичные московскому ИЯЗ).

Выражаясь советским языком, это были *выдвиженцы*. Соответственно, почти каждый из них хотел быть *главным*. В небольшом научном коллективе это неизбежно порождало конфликты, не менее опасные, чем если бы эти люди оказались на равных правах у одного операционного стола. «Новая лингвистика», приобщение к которой предполагало знание литературы на европейских языках и к тому же определенную ориентацию в математических методах, ощущалась ими как угроза ранее занятым позициям, а «командный дух», обычно свойственный молодым соратникам по любому новому делу, воспринимался с особым подозрением.

Поэтому кандидатскую диссертацию я защищала не в своем институте, а в Институте русского языка, где на ученом совете председательствовал В.В. Виноградов. В том же 1964 году к нам в ИЯЗ АН СССР в качестве директора пришел Федот Петрович Филин, который за четыре года (1964–1968) многое «успел». При нем Институт русского языка АН СССР лишился руководителей важнейших научных направлений и, как мне представляется, уже не вернулся на прежние позиции. (Этот сюжет упомянут даже в «Википедии»). О какой-либо атмосфере научного сотрудничества, поиска и т.д. в дальнейшем говорить уже не приходилось.

Впрочем, настоящие же свои «подвиги» Федот Петрович совершит, когда станет директором Института русского языка. В 1968–1969 году, а затем уже в начале 70-х он подверг этот институт разгрому исключительно по *политическим мотивам*.

В 1968 году к нам в ИЯЗ на место Ф.П. Филина директором пришла В.Н. Ярцева, которая была к этому моменту известным германистом, профессором с довоенным стажем. У нас она скорее царствовала, чем управляла, странным образом сочетая манеры фрейлины двора и советской чиновницы высокого ранга, что, как говорилось, было довольно типично для Ленинграда, откуда она была родом.

С уходом на пенсию А.А. Реформатского (1971) для его подчиненных, сотрудников самого первого академического Сектора структурной и прикладной лингвистики, завершилась эпоха. И все-таки, что именно и когда кончилось?

Собственно «коттепель», как известно, завершилась еще в 1965 году, с арестом Синявского и Даниэля и массовым преследованием «подписантов». В упомянутых выше институтах с окончательным «введением единомыслия» кончилась *академическая жизнь*, предполагающая как минимум *свободу мысли*. Разумеется, события 1968 года поставили под вопрос академические традиции не только там. Однако благодаря *подвигам* Филина в лингвистических институтах Академии они были интронизированы в грязь более пачкой.

См. также:
ЭЛЕКТРОННЫЙ ВАРИАНТ ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ В.А.Успенского «Труды по НЕМАТЕМАТИКЕ», т. 2. www.mscme.ru/free-vooks/usp.htm

Несчастье лучше катастрофы?

На последнем собрании РАН вторым в повестке дня стоял важный вопрос — о предоставлении членам РАН VIP-залов в аэропортах, который все живо обсуждали.

Из академических слухов

«Несчастье лучше катастрофы», — гласит восточная мудрость. Если РАН реформируют по представленному плану Министерства науки, то это катастрофа. Но нынешняя РАН — порождение последних десятилетий — это несчастье для нашей фундаментальной науки. Лучшие ученые безвозвратно уехали и уезжают не потому только, что зарплаты низкие, как пытаются нас уверить, а главное — потому, что создана обстановка, когда научная работа не престижна, сопряжена с непродуктивной затратой средств, сил, нервов и времени, а продвижение научных идей зависит от массы привходящих, далеких от науки обстоятельств.

Нынешняя РАН, в виде густой поросли членкоров и академиков, — это в массе своей не уважаемое научным обществом чиновники с пышными званиями. Там же и многие директора институтов, потому что директорство — это ступенька для входа в сонм «бессмертных» с пожизненной рентой и научной беззащитностью; я уж не говорю об их постыдных делах на виду у всех. Какое уж тут к ним может быть уважение! Как говаривал мой коллега: «Раньше академики становились директорами, а теперь директора становятся академиками». Им не нужны научные сотрудники, на чьем фоне они меркнут. Надеюсь, что достойные члены РАН и достойные директора институтов — те, кто истинные ученые, — не обидятся на меня за такие слова: они знают себе цену.

То, что я говорю — не брюзжание неудачника. Я работаю в академическом институте без малого сорок лет, не обижан научной судьбой, заведу лабораторией, мой индекс цитирования — более 7 тысяч, а индекс Хирша — 40. Это позиди многих ученых Запада, но далеко впереди многих членов РАН. Сидеть бы мне, да молчать! Но это — моя Академия наук и моя жизнь! Так что молчать не могу.

Мой взгляд на структуру РАН — это то, что она келейная, захватила власть в науке, в ней возникают мафиозоподобные образования, иначе называемые «корпоративными», в ней нет критики, самокритика обернулась самовосхвалением, а ученые — те, кто за научным станком, — отодвинуты на задворки. Мне не по душе, что сейчас РАН обратилась к научным сотрудникам подписывать петицию против готовящейся реформы. Потому что я уверен, что как только членам РАН повысят их и без того высокие стипендии и оставят им поместья в виде институтов, они вновь забудут про научных сотрудников и примутся за свое. И поэтому, вспоминая поэта, «мне не хочется, задрвав штаны, бежать вперед за этим комсомолом».

РАН надо самой услышать ученых — предоставить им достойное место в управлении наукой. У меня следующие предложения, необходимые для оздоровления нашей фундаментальной науки.

Первое: поднять авторитет и независимость ученых советов институтов. Сейчаученый совет создается давлением дирекции института, поскольку, согласно постановлению РАН, его автоматически возглавляет директор, что позволяет проводить угодные ему решения. Предложение таково: председатель ученого совета учреждения, как и ученый совет, должен избираться общепанитутским собранием научных сотрудников. Тут-то всё и проявится: достойный директор станет председателем, а недостойный — едва ли.

Второе: избирать директором академического института только того кандидата, за кого проголосует больше половины научных сотрудников Института и больше половины членов отделения РАН; сейчас РАН вольна принять свое решение, даже идущее вразрез с мнением научного коллектива.

Третье: снизить стипендии академиком и членкорам и убрать другие их блага; исчезнет один из соблазнов лезть по головам в члены РАН.

Четвертое, но не последнее по значимости предложение: *создать систему международной экспертизы научных проектов и планов лабораторий и научных групп*, в т.ч. заявок на гранты; это сложное и болезненное дело, но оно необходимо для оздоровления нашей фундаментальной науки.

Я уверен, что если бы провели плебисцит среди ученых, то большинство проголосовало бы за эти предложения. Конечно, помимо этого много чего еще надо делать для научной боеспособности РАН, чтобы никакие катастрофы ей не грозили.

Но если РАН ограничится словами и полумерами, тогда что несчастье, что катастрофа — всё едино.

Лев Животовский,
профессор, заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Государственной премии РФ, лауреат премии РАН,
почетный профессор Стэнфордского университета
и Университета штата Аляска

NO COMMENT

Вот такое письмо пришло на почту ученого секретаря одного из институтов РАН

From:
Sent:
Subject: Русская Идея

1. РАН стоит на пороге разгрома.
2. Слова «фундаментальные исследования» сегодня никакой силы не имеют.
3. Для спасения РАН необходимо большое, конкретное и понятное всем дело.
4. Экспериментальное доказательство существования БДЧ равносильно экспериментальному доказательству существования Бога.
5. Заявление «РАН намерена экспериментально доказать существование Бога» упасет РАН от разгрома.